

КУ́РИЦЫН

Авторы: В. Д. Назаров

КУ́РИЦЫН Фёдор Васильевич (? – 1500), рус. гос. деятель и дипломат, писатель, глава моск. кружка еретиков; первый дьяк *Казны* (с кон. 1480-х гг.). Старший брат И. В. *Курицына* Волка, отец А. Ф. *Курицына*.

Карьера К. началась, вероятно, в 1470-х гг.: дьяк великокняжеской Казны (не позднее 1482), с кон. 1480-х гг. первый её дьяк, специализировавшийся гл. обр. на внешнеполитич. деятельности. Входил в состав ближайшего дворцово-приказного окружения вел. кн. московского *Ивана III Васильевича*. В 1482 К. послан в Венгрию для заключения с королём *Матьяшем Хуньяди* союзного договора, направленного против Ягеллонов и Габсбургов. Вернулся в Москву в сопровождении молд. посла к авг. 1485 после длительного пребывания в Аккермане (ныне г. Белгород-Днестровский), где был заключён под стражу местными тур. властями. Принимал активное участие в рус.-венг. (по 1489) и рус.-молд. (с кон. 1480-х гг.) переговорах в Москве. При приёмах послов Священной Рим. империи Иваном III и в ходе переговоров с ними в 1489, 1490, 1492 выступал с ответами и «речами» от имени вел. князя. В частности, на предложение имп. Фридриха III пожаловать вел. кн. московскому титул короля (1489) К. зачитал ответ-отказ (скорее всего, имел к его формулированию самое непосредственное отношение), в котором обосновывались божественное происхождение власти вел. князей московских и её наследственный характер. Принимал участие в обсуждениях с имперским послом (1492) вопросов о возможном протекторате Рус. гос-ва над *Тевтонским орденом* и характере взаимоотношений с *Ливонским орденом*. Весной 1493 вёл переговоры в Москве с послом кн. Конрада Мазовецкого [о предполагавшемся союзе против Вел. кн-ва Литовского (ВКЛ), а также о возможном браке Конрада с одной из дочерей Ивана III], в окт. 1494 – с послами *Ганзы*. В 1491–1500 активный участник рус.-литов. переговоров. В отд. случаях только К. после «речей» вел. князя послу выступал с ответами (1491). К. был в составе «ответной комиссии» на решающих переговорах в янв. – февр. 1494, он зачитывал подготовленный под его контролем рус. текст *Московского мира 1494* и особые грамоты, оговаривавшие условия жизни (в т. ч. в отношении религ. обрядности) княжны *Елены Ивановны* после бракосочетания с вел. кн. литовским *Александром*. К. имел прямое отношение к формулировке титула Ивана III в рус. экземплярах документов. В марте – мае 1494 К. входил в состав рус. посольства в ВКЛ, отправленного для ратификации вел. кн. литовским заключённого договора и соглашений по поводу брака. К. принимал активное участие в рус.-литов. переговорах в Москве по проблемам несоблюдения условий Московского мира 1494 (прежде всего в отношении Елены Ивановны), преследования православных (гл. обр. знатных лиц и служилых людей), по пограничным спорам и враждебным действиям ВКЛ на междунар. арене (возобновление антирусского союза с *Большой Ордой*, ограничение пропуска рус. дипломатов и купцов через литов. территорию), умалению титула Ивана III и др. По всей видимости, К. сыграл важную роль в формулировании твёрдой негативной позиции рус. стороны по отношению к действиям литов. стороны, результатом чего стала рус.-литов. война 1500–03. В 1497 К. «именем вел. князя» отвечал ногайскому послу, в кон. 1499 – нач. 1500 участвовал в переговорах с послом крымского хана *Менгли-Гирея I* и посланником кафинского паши. В апр. 1500 вёл ответств. переговоры с литов. послами в условиях почти начавшейся войны с ВКЛ.

Разнообразной была и внутривластная деятельность К. Он подписал ряд докладных судебных списков по решениям вел. кн. московского [Ивана Ивановича](#) Молодого (ок. 1485–90), кн. Василия Ивановича (будущего вел. кн. московского [Василия III Ивановича](#); ок. 1491–93), главы Большого дворца кн. П. В. Великого (ок. 1495–98). В нояб. 1490 им подписана жалованная грамота Ивана III пермскому еп. Филофею, гл. пунктом которой, наряду с фиксацией епископских владений, была частичная конфискация захваченных кафедрой земель с возвратом их в статусе волостей с безусловным запретом продажи, заклада, вкладов по душе волостных территорий церковным корпорациям. В июле 1497 К. подписал подготовленную под его контролем жалованную меновную грамоту Ивана III удельным князьям Фёдору и Ивану, своим племянникам, сыновьям волоцкого и русского кн. [Бориса Васильевича](#). Уникально использование в этом публичном «внутреннем» документе титула из дипломатич. текстов («Мы, Иван, Божию милостию государь всея Руси и великий князь...»); печать грамоты – первый случай применения нового герба с изображением двуглавого орла. По мнению ряда исследователей, К. с братом Иваном приняли активное участие в составлении Судебника 1497 (см. [Судебники 15–16 вв.](#)). С 20.10.1495 по 24.3.1496 К. сопровождал Ивана III в поездке в Новгород (назван вторым среди дьяков).

Несомненно, что К. активно участвовал в разработке политич. доктрины рус. государственности, божественного характера наследств. власти вел. князей московских, прежде всего в сфере дипломатии. Перу К., по мнению большинства учёных, принадлежит «Повесть о Дракуле» («Сказание о Дракуле воеводе»; судя по упоминаниям в тексте, оно написано рус. человеком, побывавшим в 1-й пол. 1480-х гг. в Венгрии и Молдавии с группой соотечественников). Основанный на устных рассказах о «зломудром» и весьма жестоком монархе текст не даёт однозначной его оценки. Тиранич. способ правления, неадекватные, порой изуверские способы казни совмещены в образе Дракулы с неутомимым стремлением «извести в своей земле» любое «зло» (воровство, разбои, лжесвидетельство, иные «неправды») и покарать виновного смертной казнью вне зависимости от его социального статуса. При этом автор утверждает ценность самого статуса «великого государя». Скорее всего, К. имел прямое отношение к великокняжескому летописанию, в частности к составлению т. н. свода 1500 года (от него сохранился первоначальный черновой вариант за осень 1497 – лето 1500), содержащего важные известия о политич. борьбе в Рус. гос-ве в 1497–99.

Единственным подписанным К. сочинением (авторская подпись зашифрована) является «Лаодикийское послание» (и, возможно, «Написание о грамоте», соседствующее с ним в ряде рукописей и связанное по смыслу). Краткость текста, своеобразие формы (послание состоит из стихотв. введения, где каждая строфа начинается с последнего слова предшествующей, и особой таблицы из двух рядов букв в алфавитном порядке с комментариями к ним), множественность редакций сочинения (не менее трёх) породили ряд интерпретаций философско-мистич., криптографич. и грамматич. характера. Вероятно, автор ориентировался на грекохристианские источники, при этом его понимание идеи свободы воли («душа самовластна, ограда ей вера») было заметно шире интерпретации, принятой в православном вероучении. С установками «Лаодикийского послания» перекликались идеи «Написания о грамоте» о «самовластии ума», данного человеку Богом (только человек, овладевший «грамотой», обладает истинной свободой воли).

Вскоре после возвращения К. из Венгрии образовался моск. кружок еретиков. По разл. источникам, в него, помимо К., входили его брат Иван, дворовой сын боярский Дмитрий Коноплёв, моск. дьяки Истома и Сверчок, моск. купцы И. Зубов, С. Клёнов, известный писец Иван Чёрный и др. Их собрания посещали также перебравшиеся в Москву новгородские еретики, в т. ч. протопоп Успенского собора Московского Кремля Алексей

и свящ. Архангельского собора Московского Кремля Денис.

Обвинения К. в ереси впервые появились в 1490 в посланиях новгородского архиеп. [Геннадия](#) моск. митр. [Зосиме](#) и собору «на еретики», при этом обличений собственно еретич. воззрений К. в них нет. В приговоре собора 1490 имя К. вообще не упомянуто, а наказания новгородских еретиков никак не сказались на его положении при дворе и в окружении Ивана III, наоборот, в 1490-е гг. оно укрепилось, а политич. значение К. заметно усилилось.

Непримиримый противник К. – [Иосиф Волоцкий](#) писал о том, что вел. князь «во всем... послушаше» К. и после 1502 говорил ему о своей осведомлённости о ереси (отличной от новгородской), сторонником которой являлся Курицын.

Позднейшие обличения К. и членов его моск. кружка после собора 1504 были явно тенденциозными, и очень сомнительно, что они соответствовали действительности. Судя по отд. указаниям, следует говорить о критич. отношении К. и др. моск. еретиков к святоотеческим текстам (в т. ч. и в канонич. вопросах), об отрицании ими монашества и монастырей как института церковной жизни, а соответственно и церковного землевладения, преим. монастырского.

Судя по ряду косвенных указаний, К. умер естеств. смертью не позднее лета 1500, не будучи в опале.

Литература

Лит.: Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л., 1955; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.; Л., 1960; он же. Две истории Руси XV в. СПб., 1994; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960; Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI вв. М., 1967; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982; Турилов А. А., Чернецов А. В. К культурно-исторической характеристике ереси «жидовствующих» // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI вв. М., 1989. Сб. 1; Булычев А. А. Потомки «мужа честна» Ратши. Генеалогия дворян Каменских, Курицыных, Волковых-Курицыных. М., 1994; Григоренко А. Ю. Духовные искания на Руси конца XV в. СПб., 1999.